

2. *Марти Х. Избранное. М.: Художественная литература, 1978.*
3. *Ортега-и-Гассет Х. Стихи Антонио Мачадо // Восстание масс. М.: АСТ, 2002.*
4. *Цветаева М.И. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы // Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994.*
5. *En un domingo de mucha luz: Cultura, historia y literatura españolas en la obra de José Martí / Edición de Ruiz Barriomuevo C., Real Ramos. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1995.*
6. *Machado A. Poesías completas. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975.*
7. *Martí J. Poesía // Obras completas. Т. 16. La Habana: Editorial nacional de Cuba, 1964.*
8. *Rodríguez-Puértolas C.C. Machado y Martí // En torno a José Martí / Coloquio Internacional, Bulletin Hispanique. Bordeaux: Editions Bière, 1974.*

¹ *Цветаева М.И. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы // Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994. С. 398.*

² Там же. С. 400.

³ Цит. по: *Зверев А.М. Уолт Уйтмен // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 7, 1991. С. 544.*

⁴ Цит. по: *En un domingo de mucha luz: Cultura, historia y literatura españolas en la obra de José Martí / Edición de Ruiz Barriomuevo C., Real Ramos. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1995. P. 304.*

⁵ *Ibid.*

⁶ См.: *Rodríguez-Puértolas C.C. Machado y Martí // En torno a José Martí / Coloquio Internacional, Bulletin Hispanique. Bordeaux: Editions Bière, 1974. P. 457–477.*

⁷ Цит. по: *Machado A. Избранное. М.: Художественная литература, 1978. С. 64.*

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Цит. по: *Мартин Х. Избранное. М.: Художественная литература, 1978. С. 98.*

¹⁰ *Ортега-и-Гассет Х. Стихи Антонио Мачадо // Восстание масс. М.: АСТ, 2002. С. 502.*

¹¹ Цит. по: *Мартин Х. Избранное. С. 64.*

¹² *Martí J. Poesía // Obras completas. Т. 16. La Habana: Editorial nacional de Cuba, 1964. P. 63.*

¹³ *Machado A. Poesías completas. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975. P. 82.*

¹⁴ *Martí J. Poesía. P. 248.*

¹⁵ *Machado A. Poesías completas. P. 137.*

Ю.Л. Оболенская
(ИГУ имени М.В. Ломоносова)

«Поэты-пророки всегда опережают свое время»:
Хосе Марти об А.С. Пушкине.

«Прежде всего – справедливость, а искусство – уже потом!» «Когда нет свободы, единственное оправдание искусства и единственное, что дает ему право на существование – это служение свободе! Все в огонь, даже искусство, чтобы поддерживать пламя в очаге свободы!» Слова Хосе Марти, сказанные по поводу творчества русского художника В.В. Верещагина, но касались любого художника вообще – ключ к его революционной деятельности и творческое кредо, свобода была Богом и А.С. Пушкина. Творчество каждого из этих глубоко народных поэтов, патриотов в высоком смысле этого слова, воззвавших к борьбе против рабства, за человеческое достоинство, духовную свободу, до сих пор остается образцом служения своему народу, одновременно определяя духовные ориентиры не только Кубы и России.

Однако в нашей статье речь пойдет не о том, что роднит их творчество, и не о сходстве их жизненных позиций, (эти темы безусловно заслуживают специального и подробного анализа), а о попытке поэта-революционера в одной своей газетной публикации, (по сути репортаже), через сорок лет после смерти Пушкина оценить значение творчества и личности русского гения для России и мира. Но эта небольшая статья в большей степени огрзила представления Хосе Марти – тогда молодого 27-летнего поэта и журналиста, к тому времени пережившего каторгу и изгнание и получившего прекрасное гуманитарное образование в Испании, объездивший полмира, – о роли поэта в обществе и о назначении поэзии вообще.

Статья эта называется «Пушкин» и повествует о торжествах по поводу открытия в Москве памятника поэту; в ней предлагается краткое изложение выступлений Тургенева, Аксакова, Достоевского, Островского и др. русских литераторов, а опубликована она была в нью-йоркской газете «Сан» (The Sun) 28 августа 1880 года². Дело в том, что находясь в США с 1880 по 1895 год, Марти сотрудничал в крупнейших американских и латиноамериканских журналах и газетах и знакомил читателей в том числе и с модной тогда русской культурой.

В частности он написал очень интересный и колоритный репортаж о выставке картин В.В. Верещагина в Нью-Йорке, полный восхищения и изумления гениальным творчеством «дикого русского» и содержащий размышления о судьбе России (светлой и великой, по мнению Хосе Марти) и русском характере. Здесь не обошлось без ярких поэтических

метафор, довольно нелестных замечаний, романтических штампов и восточного колорита. Вот, например, описание «типичного русского характера»:

«El ruso genovará. Es niño patriarcal, piedra con sangre, ingenuo, sublime. Trae alas de sangre y garras de piedra. Sabe amar y matar. Es un castillo, con barbas en las almenas y sierpes en los tajos, que tiene adentro una paloma. Debajo del frac, lleva la armadura. Si come, es banquete; si bebe, cuba; si baila, torbellino; si monta, avalancha; si goza, frenesi; si manda, ságrara; si sirve, rengo; si ama, ruñal y alfombra»³.

Надо отметить, что помимо поэтического таланта и присущей гениальным поэтам прозорливости, особой интуиции и чуткости, Хосе Марти обладал талантом философского обобщения своих мыслей, особым даром в краткой, почти афористической форме или метафоре выразить мысль необычайной глубины. Например: «El talento, como una linda mujer, es solicitado, halagado y acariciado. Se le aprlasta cuando se rebela: se le adora cuando se somete» (р. 30) или «Los poetas son como marees, fluyen y refluyen» (р. 29). Любая его журналистская публикация превращается в философское эссе, которое раскрывает внутренний мир автора, его жизненную позицию, его credo.

Некоторые выводы Марти о творчестве Пушкина, содержащиеся в статье, безусловно, отражают точки зрения русских литераторов, речи которых Марти комментирует, однако в статье автор не ограничивается подробным отчетом обо всех выступлениях русских писателей и критиков на праздновании. Марти дает свою оценку поэтического творчества поэта (с которым Марти был знаком по французским и английским переводам), опираясь на известные ему эпизоды биографии Пушкина, пытаясь охарактеризовать его личность. Эти оценки субъективны, а иногда нелюбезны именно потому, что Марти судит русского поэта по своему – *гамбургскому* счёту революционера.

Напоминая о том, что П. Мериме назвал Пушкина «первым поэтом своего времени», Марти оценивает то, что было так важно для него самого – вклад Пушкина в освободительное движение в России, и с его точки зрения, в этом отношении Пушкин значительно уступает Байрону. Выводы Марти иногда довольно жесткие и протигоречивые, да и сами выступления на открытии памятника вызвали у него внутреннее несогласие: так, он несколько недоумоенно замечает, что все выступавшие на чествовании говорили о том, что Пушкин был убит не Дантесом, а царем. При этом Х. Марти признает, что Пушкин был «человечнее, талантливее... национальнее, чем Байрон», но вот «умереть за родину не смог бы...». Отсюда Марти заключает, что «как поэт Пушкин был выше Байрона, но... не как человек», ведь «Байрон видел

несправедливость и обличал ее, а Пушкин возвысил голос против нее, а затем преградился в камергера и историографа царя и прославлял руку, которая казнила его соотечественников» (р. 27). Впрочем, именно Пушкин, несмотря на то, «что он царил в салонах и был любимцем дам», по словам Марти, «разбудил русский народ», который «только тогда, пробудившись, и стал народом». Это последнее замечание чрезвычайно важно для последователя излагаемой Марти концепции творчества и роли национального поэта.

Автор статьи пишет о том, что «жизнь поэта была битвой», восхищаясь «Маленькими трагедиями», где «национальности проплываю перед его глазами как облака в небе» он называет Пушкина «человеком всех времен и всех народов, человеком в сущностном его проявлении, целой вселенной, вместилищем в одной груди»⁴ (р. 31).

Вывод этот для того времени паразителен, если учитывать то, что именно тогда было известно в Старом и Новом Свете о Пушкине, а главное, что из произведений Пушкина было там переведено. Более полувека назад замечательный испанист М.П. Алексеев, размышляя о причинах недооценки творчества русского поэта и запоздалой известности А.С. Пушкина на Западе, посетовал на то, что так мало переводов его поэзии, что Пушкин известен главным образом как прозаик и до сих пор нет стихотворного перевода его шедевра «Евгений Онегин». С точки зрения М.П. Алексеева, Пушкина на Западе не знают «по причине его вневременности», из-за того, что он оказался «в изоляции от создавшей его исторической и литературной среды, ...вне истории его становления... борения с литературными и общественными силами». Именно поэтому, считает Алексеев, творчество А.С. Пушкина было неверно и не во всей полноте воспринято иностранными читателями.

Однако на самом же деле именно роль Пушкина-борца и последовавшая за этой борьбой трагическая гибель поэта вызвала читательский интерес к его произведениям в Старом и Новом Свете, а в Испании, например, привела к созданию поистине беспрецедентной ситуации. Испанских переводов стихотворений Пушкина не существовало почти до конца 30-х годов XX века, а вот высокая оценка вклада поэта в создание самобытной русской литературы, равно как и его вклада в освободительное движение России, была высказана уже в начале 70-х годов XIX века. Главным популяризатором Пушкина в Испании тогда стал Э. Кастелар: его яркие речи и первая в Испании критическая статья, посвященная Пушкину⁶, стали событиями культурной жизни Мадрида. Отметим также, что Э. Кастелар выступил с речью о Пушкине и в Испанской Королевской академии 25 апреля 1880 года, в связи с торжествами по поводу открытия в Москве памятника. Яркую речь

Кастелара упоминает Марти в рассматриваемой статье о Пушкине. Кроме того, отмечу, что Кастелар, как и Гюго, принял участие в знаменитом чествовании поэта, проведенном по телеграфу.

В этот день за церемонией открытия памятника в Москве следит в Нью-Йорке и журналист «Сан» Хосе Марти. Во время своей ссылки в Испании молодой кубинский поэт знакомится с европейской литературой, новой поэзией, особенно увлекается романтизмом. Несмотря на то, что во второй половине XIX века имя Пушкина становится в Испании знаменем борьбы с деспотизмом, его произведения могли быть в те годы доступны читателям только во французских или немецких переводах, первые из которых появляются уже в 1823 году⁷. Однако русская литература и творчество Пушкина не привлекают внимания Х. Марти, в те годы находящегося в Испании, по-видимому, неизвестны ему и статьи Кастелара, а с творчеством Пушкина Марти знакомится во второй половине 70-х гг. XIX сначала в Париже, а затем Латинской Америке.

Отмечу, что Пушкин стал известен в Испании и Латинской Америке прежде всего как романтик, «последователь Байрона и его соперник», а появившиеся в середине XIX века переводы его прозаических произведений, с легкой руки французской критики, сравнивались читателями с романами В. Скотта. Именно такими историческими, романτικο-приключенческими повестями они оказались в первых французских переводах, а в переводах на испанский язык по обе стороны океана они подверглись дальнейшей романтизации. Поэтому, наверное, неудивительно то, что Марти даже не упоминает в статье ни *романтизированную* и *офранцузженную* «Капитанскую дочку» в очень популярном тогда в Европе переводе Л. Виардо 1853 г., ни выполненный на его основе испанский перевод повести, опубликованный в Мадриде в 1879 г.⁸

Отмечу, что сама жизнь Пушкина со времени первого знакомства с его творчеством постоянно мифологизируется в испаноязычном мире, в том числе и благодаря романтизации, а точнее, *байронизации* судьбы поэта. В этом отношении весьма характерны «дополнения и уточнения» его биографии, которыми отличались издательские статьи к переводам произведений Пушкина в Испании и Латинской Америке вплоть до конца XX в.. Из них можно было узнать, что Пушкин сражался против турок или подробености о том, как русский царь, «вернув поэта из ссылки в Петербург, осыпал его почестями и, предложив самого себя в качестве единственного цензора (*exclusivo censor*), заказывал ему работы, которые оплачивались большими суммами», а «после сражений с турками», Пушкин, наконец, «в семейном кругу зажил спокойной жизнью», которую оборвала роковая

дуэль⁹. В сущности, читателям предлагался новый образ поэта — сломленного нуждой, прирученного и одомашненного Байрона, этот образ представляет нам с своей статье и Марти.

Уместно напомнить, что в Латинскую Америку Пушкин *пришел* вовремя, как раз в эпоху зарождения национальных литератур и короткого торжества революционного романтизма, поэтому в Новом Свете раньше, чем в Испании, появляются переводы вольнолюбивой лирики поэта (в прозе) и других произведений Пушкина. Следует признать, что в Латинской Америке, по сравнению с Испанией, в последней четверти XIX века и первой четверти XX века публикуется гораздо больше произведений поэта, причем его творчество представлено разными жанрами, хотя поэтических переводов также нет.

По упомянутому в статье Марти произведениям станвится ясно, что он был знаком с драмой «Борис Годунов», «Гаврииладой», «Маленькими трагедиями» во французском переводе, поэмы «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан» (у Марти во множественном числе — «фонтаны»), а также повесть «Дубровский» читал в английских переводах, а вот «Кавказского пленника» прочел скорее всего в 1874 году в чилийском журнале «Эль Санта Лусия», в переводе, выполненном, по всей вероятности, чилийцем Октавио Гонсалесом, бывшим корреспондентом «Эль Меркурьо де Вальпараисо»¹⁰. Качество и точность перевода произведений Пушкина, которыми располагал Марти можно оценить, например, по цитате из пушкинского «Памятника», которую Марти приводит в уже упомянутой статье о выставке Верещагина: «¡Yo espero, — dice Vereschagin con los versos de Pushkin, — yo espero que los hombres me amen, porque mi arte sirve a la verdad, у твеча por los velpidos!» Как легко убедиться, в переводе Пушкин в свой жестокий век не «восславил свободу», а судя по испанской версии — «служил правде». Если бы Марти читал Пушкина в оригинале, то у него было бы гораздо меньше причин для критики в его статье, а высказанные им мысли почти дословно совпали бы с пушкинскими.

Главное, что стремиться донести до читателей своей статьи Марти, прежде всего то, что в воздухе России витает «предчувствие кровавой революции 89» (т.е. французской). При этом, несмотря на то, что именно Пушкин приблизил эту революцию — «разбудил народ, поднял страну и вдохнул жизнь в труп» — народ не простил Пушкину того, что он, перейдя на службу царю, «перестал быть искренним другом своего народа... и целовал кнут, который прежде пытался сломать...», а после сочувствия страданиям соотечественников, восхвалял и гладил руку, которая их причиняла».

В традициях романтического мифотворчества Марти описывает жизнь Пушкина — полную герзаний и соблазнов — и предстает его как баловня судьбы, завсегдатая светских салонов, акцентуруя значение дружбы русского поэта с царем, принимающей его значение как поэта и гражданина. Марти не раз сравнивает Пушкина с Байроном, настаивая на том, что Байрон мог умереть *только молодым*, а вот Пушкин — сумел состариться, хотя, как известно, Пушкин всего на год пережил Байрона. Жизнь Пушкина Марти сравнивает со скачками, настаивает на том, что капризы и импульсы Пушкина присущи всем нервическим натурам. И «как все гении, {Пушкин} был чрезмерно отважен и чрезмерно слаб» (р. 29). Причина ошибок Пушкина, по мнению Марти, кроется «в чрезмерной — женской — чувствительности поэта, которая почти всегда неизбежно ослабляет данную гению от природы силу» (р. 35).

Отмечая творческую плодovitость поэта и разнообразие жанров и форм, созданных Пушкиным, Марти приходит к выводу о том, что даже в ранних произведениях (явно подражательных) Пушкину удалось соединить «байроновское страдание с шекспировской глубиной», удивительная цельность и гениальность, подлинная народность и природная сила отличают трагедии, сказки и особенно поэму «Руслан и Людмила». Следующий вывод Марти удивляет глубиной: «El Hombre Eterno se le reveló a Pushkin en su estudio apasionado de las crueldades y desventuras de la humanidad. El poeta, por momento, era la criatura atormentada, y el creador de tormentos» (р. 31).

Статья Х. Марти очевидно тенденциозна и имеет ярко выраженную пропагандистки-воспитательную направленность, это статья трибуна-революционера, убежденного в том, что писатели и поэты словом и делом должны служить делу освобождения своей родины от деспотизма. Однако художник все же берет верх над прагматиком-революционером, и поэтому выводы и заключения Марти о творчестве русского поэта гораздо глубже, полнее и тоньше раскрывают особенности творчества Пушкина, чем содержащиеся в современных этой статье работах европейских и, в частности, испанских критиков, например, статей и книге «Современная Россия» уже упомянутого нами Э. Кастелара¹¹, суждения Марти о Пушкине опередили даже оценку творчества поэта, содержащуюся в знаменитой книге Э. Пардо Басан «Революция и роман в России», опубликованной, семью годами позже.

Завершая статью, Марти отмечает, что недостаточная мировая известность Пушкина вызвана лишь тем, что писал он по-русски, а достоинства его произведений неоспоримы. Хвала поэту, пишет Марти, не может быть чрезмерной, и подчеркивает красоту слога, глубокую

интуицию поэта, его любовь к правде и неподдельная Естественность чувств.

Вместе с тем важно отметить, эта статья, по сути — открытие молодого Марти, отразила его сокровенные мысли о роли поэта, о трагедии гения, о его силе и слабости, долге перед народом. Смерть поэта мыслится Марти в романтическом духе как право храбрца, заслуженное борьбой за свободу: «Смерть — это право, которым обладают те, кто посвятил свои жизни правам человека — жизни, исполненные страсти, самоотречения и гордости» (р. 27).

Именно такой и была жизнь и смерть самого Хосе Марти.

¹ Цитата из статьи, в оригинале написанной по-английски, которая здесь и далее цитируется по испанскому переводу, опубликованному в сборнике: *Martí J. Ensayos sobre arte y literatura*. La Habana, 1972. P. 27–35. Далее при цитировании в скобках указывается страница по этому изданию.

² *Martí J. Ensayos sobre arte y literatura*. La Habana, 1972. P. 27–35.

³ Здесь и далее мы цит. статью: *La exhibición de pintura del ruso Vereschagin. La Nación*. Buenos-Aires. 3 marzo de 1889. En: *Martí J. Obras completas en 30 to*. V. 15, P. 429–438.

⁴ «Un hombre de todos los tiempos y todos los países — un hombre intrínseco, el universo en un solo pecho».

⁵ *Alexеев М.П.* Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., С. 38.

⁶ И в ней Пушкин объявлен «насадителем романтизма в России», причем романтизм этот, по мнению автора, выражал протест русской национальности «против опугавших ее немцев». Кастелар в своей статье делает акцент на свободлюбивом пафосе лирики Пушкина, при этом замечает, что из-за трагической гибели поэт успел создать всего одно замечательное произведение — «Евгения Онегина». Подробнее об этих статьях см. *Alexеев М.П.* Русская культура и романский мир. Ленинград. 1985. С.208–211.

⁷ Следует напомнить, что в Испании десятилетие 1823–1833 годах получило название рокового (*opínosa década*), и связано в истории страны с годами репрессий и кровавых расправ с либералами, сторонниками идей провозглашенных первой испанской конституцией 1812 года; затем до 1875 года следует не менее жестокая эпоха провозглашений, военных и правительственных переворотов, войн, мятежей, их подавления и реакции, когда и речи не могло быть о публикации или пропаганде в стране вольнолюбивых произведений Пушкина. Поэтому выступления Э. Кастелара с докладами и статьями о Пушкине в начале 70-х годов, с одной стороны, можно рассматривать как гражданский поступок, а с другой — как подтверждение изменений социально-политического контекста. И то и другое не могло остаться без внимания Марти.

⁸ Подробнее о переводах А.С. Пушкина в Испании и Латинской Америке см.: *Ю.Л. Оболенская.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 4-ое изд., 2013.

⁹ Цит. по следующим изданиям: *A. Pushkin. La hija del capitán. 1-a ed. Madrid, 1940; 5-a ed. Madrid, 1965, La hija del capitán. Madrid: Espasa-Calpe, 1965.*

¹⁰ Интересно, что в этом переводе было несколько изменено содержание французского перевода-посредника Н. Дюпона 1847 года, исчез эпизод, а сама повесть (в переводе это прозаическое произведение), практически утратив свой волнолюбивый пафос, стала наивной романтической историей, даже более сентиментальной, чем во французской версии.

¹¹ С этой книгой Х. Марти, по-видимому, все же был знаком. Отдельные рассуждения Марти о русском характере, высказанные в уже процитированной статье о Верещагине, содержат сходные метафоры и сравнения. Приведу небольшую отрывок, важный для понимания того, что Марти подразумевал под национальным русским характером, рассуждая о Пушкине. «Es el hombre con pasión y color, con gruicidos y agrillos, con sinceridad y fuerza. Se mueve con pesadez, bajo su cara francesa, como Hércules barbudo con ropas de niño. Se sienta de guante blanco a la mesa donde humea un oso. Y en Rusia se agrava esta desazón del hombre moderno, porque de los tipos bárbaros y conquistadores que se han fundido en el eslavo hercúleo, originanse a la vez esta fuerza de mano, puño de carácter, necesidad de extensión que heredan de sus padres feudales y batalladores, fieros como las cumbres, melancólicos como la llanura, y este asombro terrible con que se ven, podridos por una civilización extraña, antes de condensarse en otra propia. ...No creen en nada, porque no creen en sí, pero el knout está perenne...».

Цит. по: La exhibición de pintura del ruso Vereschagin. La Nación. Buenos-Aires. 3 marzo de 1889. En: *Martí J. Obras completas* en 30 tt. V. 15, P. 431.

Некоторые особенности именного словообразования в латиноамериканских вариантах испанского языка

Испанский язык, второй по распространенности в мире, существует как совокупность национальных вариантов, различия между которыми обусловлены географическими, историческими и политическими факторами. На разных языковых уровнях эти различия проявляются в разной степени. Словообразование, в этом смысле, занимает среднее положение, поскольку, с одной стороны, подвергается процессам, характерным для лексических единиц: сдвиг в значении слова, изменение узуса, появление неологизмов, регионализмов, иноязычных заимствований и т.д.; с другой стороны, эти изменения в большей степени регулируются внутренней логикой языка, его грамматическим строем, продуктивностью той или иной словообразовательной модели. «Некоторые элементы безразличны к лексическому, морфологическому и фонетическому свойствам основы, другие относятся к основам избирательно. Одни модели нейтральны в стилистическом отношении, другие обслуживают частную стилистическую сферу языка. Чем больше дополнительных оттенков сопровождается основное значение модели, тем более ограниченным оказывается ареал ее действия. Разные типы словообразования имеют разное число границ, очерчивающих область их применения»¹.

Особенности испанского именного словообразования в странах Латинской Америки касаются в основном вопросов семантики и узуса. Безусловно, каждый национальный вариант испанского языка и каждый регион имеет свою специфику и заслуживает подробного рассмотрения, однако, в то же время, иногда можно говорить и о некоторых общих особенностях и закономерностях, характерных для всех испаноговорящих стран Латинской Америки. Основываясь на пометах составителей грамматик и словарей, мы указываем в примерах более или менее широкие географические области, например, *Колумбия, Центральная Америка*. Материалом для статьи служат данные, приведенные в «Большом испанско-русском словаре: Латинская Америка»² и «*Nueva gramática de la lengua española. Manual*»³ Испанской Королевской Академии.

Прежде чем перейти к анализу особенностей именного словообразования в латиноамериканских вариантах испанского языка необходимо кратко обозначить некоторые теоретические вопросы, непосредственно связанные с изучением этой области лингвистического знания.

Испанские лингвисты выделяют в теоретической морфологии две части: *morfología léxica*, или *formación de palabras*, где рассматриваются вопросы словообразования, и *morfología flexiva*, где рассматриваются вопросы словоизменения. Под словообразованием, таким образом, понимается «el análisis o la formación de las distintas formas de las palabras construidas sobre el mismo tema»⁴. Практическая морфология современного испанского языка⁵ включает в единый раздел рассмотрение таких морфологических категорий, как род и число (el género y el número), глагольных форм и вопросов словообразования. В отечественной грамматической традиции, словообразование в большинстве случаев считается частью грамматики наравне с морфологией и синтаксисом и рассматривается как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Н.Д. Арутюнова подробно останавливается на различиях между морфологической и словообразовательной структурой слова, между методами морфологического и словообразовательного анализа и подчеркивает, что: «Словообразование устанавливает системные отношения, регулирующие создание новых лексических единиц. Морфология занимается структурой имеющихся в языке слов»⁶.

Помимо некоторых терминологических несоответствий, отдельно стоит отметить разницу в исследовательских подходах с точки зрения диахронии и синхронии, основывающуюся на степени прозрачности внутренней формы слова для современных носителей языка. «В словах откладываются и сохраняют свою значимость лексические элементы разных исторических эпох. Они еще не утрачивают семантического веса внутри слова, которое остается мотивированным в своем значении. Не все слова, морфологически членимые, соответствуют живым нормам словообразования, не все слова, сложные по своему составу, могут служить образцом, по аналогии с которым моделируются новые слова. В языке продолжают существовать элементы, утратившие словообразовательную силу, выпавшие из системы деривации, либо еще не получившие определенной функции, не вошедшие в строй языка, но уже осмысленные языковым сознанием. В языке живут также компоненты слов, проникшие в него в результате заимствований, и, что особенно важно для языка романской группы, в составе латинизмов»⁷. Действительно, латинские словообразовательные модели, так или иначе закрепившиеся на самом глубинном уровне в испанском языке, служат неизменно отправной точкой для любых структурных исследований в области словообразования на испанском материале. Поэтому авторы многих научных и практических трудов⁸, ссылаясь на возможность синхронного анализа словообразовательных компонентов, придерживаются в большинстве случаев диахронического подхода или

сосредотачиваются на вопросах функционирования и продуктивности тех или иных словообразовательных моделей.

При изучении вопросов испанского словообразования в первую очередь речь идет о суффиксации⁹. Иные типы и способы образования новых слов (префиксация, субстантивация, словосложение и т.д.) в меньшей степени представлены на испанском материале и не образуют столь яркой и сложной словообразовательной картины. «Испанский язык изобилует суффиксами. Ни развитие в нем синтаксических способов номинации — аналитических форм слова, перифраз и перифразирования, ни склонность к созданию простых слов и к заимствованиям из арабского языка, из языков романо-германских, а также из испанских и латиноамериканских диалектов с их аборигенной лексикой, ни даже чрезвычайная активность словосложения несколько не ущемили в современном испанском языке прав суффиксации. Суффиксация не уступает своих позиций синтаксису. Синтаксис слишком логичен и недостаточно эмоционален. Слово иррационально, решительно и выразительно. Испанский язык предпочитает целостную номинацию расчлененной информации. В современном испанском языке насчитывается более ста суффиксов, включая варианты и этимологические дублеты»¹⁰.

Особое место среди многочисленных суффиксальных способов словообразования занимает оценочная суффиксация, играющая важную роль в испанском языке и заслуживающая отдельного исследования. О ее специфическом характере и повсеместной распространенности говорит, например, тот факт, что слова с оценочными суффиксами не принято включать в словари, кроме отдельных случаев, когда затруднена выводимость значения слова из суммы значений основы и суффикса. «Имена существительные и прилагательные с оценочными суффиксами (уменьшительными, увеличительными и т.д.) не выделяются, как правило, в отдельную статью. Однако, если имеются семантические несоответствия с пиренейским вариантом (либо внутри латиноамериканских вариантов), подобные существительные и прилагательные даны в отдельной статье заглавным словом; то же в случае, если у них имеются значения, не выводимые из значения исходной формы...»¹¹.

Анализ суффиксальных способов именного словообразования в испанском языке принято проводить в соответствии со степенью распространенности и продуктивности той или иной модели. Вопрос о продуктивности словообразовательных моделей может решаться по-разному. Во-первых, имеют значение собственно языковые факторы, когда, например, активность той или иной модели лимитирована

лексическим значением основы особенностями ее морфологического строения или явлениями фонетического порядка. Исторические ограничения возникают тогда, когда, с точки зрения диахронии, можно говорить о выделении большой группы слов, образованных по одной и той же модели, а, с точки зрения современного языка, эту модель нельзя назвать продуктивной. Семантический подход играет решающую роль, когда продуктивность словообразовательной модели зависит не от собственно лингвистических факторов, а от внеязыковых, связанных с развитием понятий, составляющих содержание лексикона языка.

Можно говорить о том, что система словообразования в Испании и других испаноговорящих странах едина сточки зрения словообразующих принципов и компонентов. Однако она зависит напрямую от сдвигов в лексическом составе языка, в семантике словарных единиц, от грамматических особенностей и тенденций словоупотребления, и на выходе мы получаем структурно родственные, но семантически и функционально различные единицы. Для преодоления этих трудностей предлагается использовать антиномию "норма-система". По мнению Н.Д. Арутюновой, словообразовательная конструкция заключается в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова, этим исчерпывается системная функция модели, а все те конкретные лексические значения, которыми обладают производные слова с тем или иным суффиксом, носят нормативный характер¹².

Функциональная структура суффиксов сложна и разнородна. Одни суффиксы обладают более сложной, другие более простой функциональной структурой, в зависимости от того, сколько функций совмещается в том или ином элементе. Помимо упомянутого выше оценочно-стилистического значения, суффиксы выполняют две основные функции: модифицирующую и классифицирующую. Семантическая значимость суффиксов определяется следующим функционалом: суффиксы могут вводить новое слово в определенный лексико-грамматический класс, указывать на его принадлежность к той или иной части речи, осуществлять морфологическую унификацию на основании семантической близости слов, выражать отношения между значением производящей основы и семантикой создаваемого слова, усиливать или ослаблять значение основы и т.д. В зависимости от того, к какой основе присоединяется компонент, какая часть речи образуется в итоге, суффиксы преимущественно выполняют одну или несколько из перечисленных функций.

Испанские лингвисты рассматривают вопросы деривации в зависимости от образуемой части речи, выделяя, соответственно, *la derivación nominal*, *la derivación adjetival*, *la derivación verbal* и т.д., и в

зависимости от исходной основы, например, существительные могут быть *deverbales*, *denominales*, *deadjetivales*. Отдельно анализируются оценочная деривация и другие способы образования новых слов. Этот, несколько формальный, подход объясняется необходимостью изучить и классифицировать достаточно неоднородный и объемный материал.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях именного словообразования в Латинской Америке. В первую очередь, рассмотрим наиболее распространенные парадигмы и продуктивные модели. Одна из наиболее частотных групп в испанском языке — отглагольные существительные со значением '*acción* у *efecto*', образованные с помощью суффиксов *-ción*, *-sión* у *-ión*. Производные слова по этой модели частотны на всей испаноговорящей территории, в том числе, во всех странах Латинской Америки, например:

- *respondo en persona a una premiación*

- *estará prohibida la portación de armas de fuego*

- *la única alternativa de sepultura para las familias más pobres*

- *la arguición que tienen en mi casa*

Непосредственно региональные особенности семантики и функционирования дериватов будут проявляться в том случае, когда семантические и географические ограничения касаются производящей глагольной основы. Например, когда глагол *despistolizar* используется в значении '*desarmar*' и образует *despistolización*, а глагол *postar* используется в значении '*colocar postes*' и образует *postación*, глагол *lotificar* как '*preparar un terreno, urbanizarlo y dividirlo en lotes para construir*' образует *lotización*.

Положая ситуация с распространенным и продуктивным испанским суффиксом *-miento*, который может встречаться в составе слов, маркированных как латиноамериканизмы: *cocobatatamiento*, *arratopamiento*, *desbielamiento*, *enchinamiento*, *profesamiento*.

Бывают случаи, когда суффикс часто встречается в испанском языке, но как словообразовательная модель активно продолжает функционировать только в некоторых регионах. Так, например, происходит с суффиксом *-zón*, который часто используется в Латинской Америке и гораздо реже в самой Испании, например: *estremegón* в значении '*estremecimiento*', *matagón* в значении '*matanza*', *quebragón* в значении '*estropicio, ruptura*' или *remegón* в значении '*sacudida*'.

Положая ситуация возникает с суффиксом *-ido*, образующим существительные с общим значением "звук, шум": *ladrido*, *silbido*. Испанские лингвисты считают, что он перестал быть продуктивным в Испании, однако по-прежнему используется для создания новых слов в Латинской Америке: *llorido*, *toquido*.

Подобная ситуация встречается с суффиксом *-luga* в значении «отлагательное действие», который особенно продуктивно ведет себя в некоторых регионах Латинской Америки, особенно в странах Карибского бассейна и в Чили:

Hay mingas [grupos, cooperativas] de aserradura, de tiradura, de techadura, de cercadura, de sacadura de papas, de cosechadura de trigo, de levantadura de tierras, etc. (Municipalidades Chiloé, Comunas).

Помимо ситуации, когда тот или иной суффикс становится более востребованным в отдельных регионах, частотна ситуация, когда общераспространенный суффикс в разных странах приобретает различную смысловую нагрузку, как происходит, например, с суффиксом *-(a)je*: *beberaje* (Арг., Ур.: 'пьянка'), *rastrillaje* (Арг., Бол.: 'прочесывание местности'), *talaje* (Гонд.: 'клоп'; М., Ч.: 'пастьба'; Арг.: 'поле с выщипанной скотом травой').

Существительные мужского и женского рода, образованные с помощью суффиксов *-do, -da*, и совпадающие по форме с причастиями, используются для обозначения действий точечных, кратких, ограниченных во времени и зачастую случайных. Обычно они входят в состав выражений с глаголами *dar, hacer, echar, tomar, pegar*, например, *leer un texto* не то же самое, что *dar una leída a un texto*, а *escapar* не равно *hacer una escarada*, сравните также *mirar* и *echar una mirada*. Наиболее характерно их использование в неформальном регистре, также довольно часто они используются в Латинской Америке: *Carlucho dio una chupada larga al matecito* (Sábato, Abaddón); *Pidió que se pegue una revisada a todo el cuerno diplomático para tener consiguado hasta que la orquesta tocara algún merengue o bolero para hacer el aguaje y dar su bailadita* (Nuevo Día [P. Rico]18/1/2010); ... *pretextando el catarro de Checo y la conversación con Lili hasta muy tarde* (Mastretta, Vida).

Сочетаемость характеристики подобных дериватов также могут быть различными. Например, в Испании говорят *la traída del agua*, а в некоторых странах Латинской Америке говорят также *la traída de los dólares* или *la traída de los futbolistas*. В Испании в значении 'звонок по телефону' используют слово *llamada*, а в Латинской Америке встречается также слово *llamado* в этом значении. Для обозначения денежной сдачи в Испании используют *vielta*, а почти во всех странах Латинской Америке — *vuelto*.

Многочисленная группа существительных на *-ada* со значением «движение, похожее на удар чем-либо» образуется от именной основы, которая обозначает обычно тот предмет или часть тела, которыми наносится удар: *sichillada, patada*. Однако во многих странах

Латинской Америки эти существительные используются в значении «место, куда наносится удар»: *culada* (*culatazo* в Кол., П.-Р.).

Во многих латиноамериканских регионах и на Канарских островах от глагольных основ образуются с помощью суффикса *-dega* существительные со значением "продолжительное, интенсивное или повторяющееся действие": *llovedera, bebedera, gritadera, preguntadera*. В некоторых регионах появляются дополнительные оттенки смысла, например, в горных районах Анд и бассейне Рио де ла Плата подчеркивается интенсивность действия: *tamadega* в значении 'flute bogachera'; практически повсеместно в Латинской Америке слово *gozadera* означает 'un goso intenso o continuado'.

Суффикс *-luga* образует существительные со значением «отвлеченное качество» от адъективных основ: *amargura, blancura*. В некоторых регионах (Колумбия, Венесуэла) возможно образование подобных дериватов и от адвербиальных основ: *lejos > lejura*.

Чрезвычайной популярностью пользуются словообразовательные модели, служащие для обозначения различных инструментов и устройств, что неудивительно в свете быстрых темпов развития технического прогресса в мире. Словообразовательные средства также могут меняться с целью адаптироваться к современным обстоятельствам. В испанском языке в этом случае часто используется суффикс *-dog /-dora*. Однако в разных испаноговорящих странах могут использоваться различные основы для образования дериватов, обозначающих одно и то же явление. Например, "выключатель" будет *apagador* в Мексике и некоторых странах Центральной Америки и *interrupitor* — в других регионах. Иногда слова с этим суффиксом переосмысляются как «название места, где происходит действие глагола-основы», например: *asador, cenador, comedor, corredor, desayunoador* (Мексика, Чили и некоторые страны Центральной Америки).

Для обозначения человека по специальности и роду деятельности в испанском языке используется суффикс *-ero /-era*, однако иногда для обозначения одного и того же специалиста, например, сантехника, в Испании и Латинской Америке используются разные слова: *plumero* (Ам.) и *fontanero* (Исп).

Иногда суффикс с нейтральным общим значением, как, например, *-erio* со значением собираемости (*robberio*), приобретает в разговорной речи в отдельных латиноамериканских регионах оценочное или даже непристойное значение.

Мы рассмотрели лишь некоторые особенности именного словообразования в странах Латинской Америки. Отдельно отметим, что очень большое количество суффиксов присоединяется к основам

топонимов. Их обилие объясняется диалектальными особенностями речи Испании и Латинской Америки. Так, на севере Испании предпочтительнее отдается суффиксам -ano, -ino, -és, в южных провинциях продуктивны суффиксы -eño, -eño. Похожая ситуация наблюдается и при выборе суффиксов со значением оценки (в первую очередь уменьшительных), но этот вопрос, как уже говорилось, требует отдельного рассмотрения. Таким образом, именно диалектальная раздробленность языка является одной из причин отсутствия унификации в системе испанского словообразования.

Общую ситуацию в области латиноамериканского суффиксального словообразования можно охарактеризовать, как постоянно изменяющуюся, и с точки зрения формальных и количественных показателей, и с точки зрения семантических сдвигов. Применительно к испанскому словообразованию в целом можно повторить, что оно «отличается расчлененной системой синонимии, отсутствием унификации, действием перекрещивающихся форм аналогии, наконец, свободой выбора, в него входит большое количество дублирующих друг друга словообразовательных типов, оно характеризуется неустойчивостью звуковой формы суффиксов, отсутствием системной строгости и однозначности моделей»¹³.

¹ Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования. На материале испанского языка. М., 2007. С.45.

² Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. Под редакцией Н.М. Фирсовой. М., 2011.

³ RAE Nueva gramática de la lengua española. Manual. Madrid, 2010.

⁴ RAE Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid, 1999.

⁵ RAE Nueva gramática de la lengua española. Manual. Madrid, 2010.

⁶ Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С. 28.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ См.: Varela Ortega, S. Morfología léxica: La formación de palabras. Madrid, 2009.

⁹ Ibid. P. 41. La derivación léxica mediante *sufijación* es el procedimiento de formación de palabras más productivo, general y variado de nuestra lengua. No solo dispone el español de un número considerable de sufijos, con significados muy variados, y acepta que todas las clases de palabras principales (verbos, nombres y adjetivos) entren en este tipo de derivación, sino que, además, emplea la *sufijación* en todo tipo de lenguaje – técnico y científico, jurídico y administrativo, literario –, en todos los registros idiomáticos y tanto en la modalidad oral como escrita.

¹⁰ Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С.66.

¹¹ Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. Под редакцией Н.М. Фирсовой. М., 2011.

¹² Арутюнова Н.Д. Указ. соч. С.22.

¹³ Там же. С. 47.

Парлаче – язык улиц Медельина

В двадцать втором издании Словаря Королевской академии испанского языка (DRAE), опубликованном в 2001 году, впервые появляется слово *parlache* со следующим определением: *jerga surgida y desarrollada en los sectores populares y marginados de Medellín, que se ha extendido en otros estratos sociales del país*. В том же 2001 году в Колумбии опубликован первый словарь парлаче (*Diccionario de Parlache*), он включает 1.500 слов и выражений, в следующем издании словаря 2005 года их уже 2.538. Словарь оказывается настолько коммерчески успешным, что в 2009 году выходит его обновленная версия. Анализ интернет ресурсов свидетельствует о том, что парлаче упоминается не только на веб-страницах Колумбии, о нем пишут лингвисты, социологи, антропологи, психологи и журналисты из Боливии, США, Эквадора, Перу, Венесуэлы, ряда европейских стран: Испании, Франции, Германии, Финляндии. Несмотря на столь пристальный интерес к данной теме зарубежных исследователей, работы на русском языке, посвященные парлаче, автору не известны. Одна из задач предлагаемой статьи состоит в том, чтобы заполнить этот пробел.

Парлаче – относительно новый лингвистический феномен, который становится заметен в конце 1980-х годов. Именно тогда слова и выражения этого социолекта начали приобретать популярность среди населения Медельина, так что речь жителей города, особенно молодежи, ставила в тупик приезжих. Справедливости ради, надо сказать, что и в наши дни, несмотря на относительную изученность данного явления, парлаче успешно выполняет свои функции «тайного языка» и вводит в замешательство не только иностранцев, но и выходцев из других районов страны. Так, молодой американец, проживший несколько лет в Медельине и тесно общавшийся с молодежью из бедных районов города, описывает в своем блоге историю о том, как его друзья-колумбийцы, приехавшие в Медельин из Боготы, вынуждены были то и дело заглядывать в словарь парлаче, чтобы понять местных жителей:

About three years ago I bought a book called “Diccionario de Parlache” by Luz Stella Castañeda Naranjo & José Ignacio Henao Salazar [...]. A while ago I hosted two guys from Bogotá, Colombia and they walked around town with this dictionary. When I saw them later that day they thanked me for

lending them the book because often times they couldn't understand what was said. Colombians unable to understand other Colombians'.

В основе парлаче лежат арто преступных группировок, связанных с наркотрафиком.

В наши дни этот социолект, с одной стороны, продолжает быть средством идентификации представителей маргинальных слоев, для которых данное средство коммуникации является основным, с другой — по свидетельствам исследователей, в последнее время популярность этого жаргона вероятно возросла, жаргонизмы слышны не только в речи молодежи в возрасте от 15 до 26 лет — основных носителей этого социолекта, — но и детей, взрослых, стариков различных социальных групп. Впрочем, согласно опросам, представители среднего и высшего класса прибегают к жаргонной лексике, как правило, в качестве языковой игры, считая постоянное употребление парлаче вульгарным. Зарождение парлаче связывают с острым экономическим кризисом в Колумбии в 1980-х годах — именно тогда Медельин приобрел недобрую славу столицы мирового наркобизнеса. В течение последней четверти XX века город считался штаб-квартирой Пабло Эскобара, лидера уголовной группировки, наркобарона, в 1989 году занимавшего седьмое место среди богатых людей мира, по версии журнала *Forbes*. До сих пор в Колумбии ходят легенды о его баснословном богатстве. Согласно одной из них, Эскобар, имевший свое доверенное лицо в Белом Доме, требовал у США поблажек в наркобизнесе в обмен на выплату американцам колумбийского госдолга. В 1980-е — 1990-е годы наркобарон вел террористическую войну против колумбийского правительства, пытаясь выдать его властям США. После устранения Эскобара в 1993 г. правительство страны приложило немало усилий, чтобы остановить беспорядки и террор и вернуть городу статус культурного центра Колумбии. В наши дни Медельин постепенно становится спокойным и безопасным городом. Согласно официальным данным, за последнее время уровень преступности в городе и окрестностях снизился на 73%. Но память о прежних жестоких войнах за сферы влияния в наркобизнесе, в которые в той или иной степени было втянуто большинство населения города, сохраняется в молодежном жаргоне парлаче.

Поначалу исследователи рассматривали этот социолект как один из множества «тайных языков», которыми периодически увлекаются молодые люди и которые с такой же периодичностью уходят в небытие. Однако вскоре стало ясно, что вместо того, чтобы смениться новой модной лингвистической тенденцией, из года в год слова и выражения парлаче все прочнее закреплялись в речи молодежи.

В 1990-ых годах популярность парлаче становится очевидной: он постепенно превращается в неотъемлемую составляющую речи молодежи города, словечки из этого жаргона начинают попадаться в текстах СМИ и социальной рекламы, а также в речах некоторых политиков. В этом контексте в Университете департамента Антиокия группа исследователей под руководством преподавателей Лус Стелли Кастаньеды Наранхо и Хосе Игнасио Энаано Саласара берет за работу по созданию словаря молодежного жаргона Медельина.

Разумеется, в ходе социолингвистического исследования впервые возникла необходимость дать название данному лингвистическому феномену. Поначалу обсуждались варианты названий с использованием слов этого жаргона, например, такие: *hablar torcido* (torcido — жаргонизм со значением «ilegal, ilícito, que va contra las normas establecidas, especialmente contra la ley»), *parceñol* (сочетание *parce* — наиболее распространенного жаргонизма, означающего «amigo muy querido», — и *español*, по аналогии с *rotiñol*, *costeñol* и др.), *sizasñolas* (сочетание жаргонизмов со значением утверждения — *sisas* — и отрицания — *polas*). У всех этих вариантов имелись свои сторонники и противники. В конце концов, было решено расширить круг причастных к поиску удачного названия. Была открыта публичная дискуссия, в которой участвовали активное участие студенты университета, а также информанты из социальных кругов, в которых парлаче является неотъемлемым инструментом общения. Один из информантов, житель бедного района города, предложил слово *parlache*. Молодой человек рассказал группе исследователей, что видел во сне недавно погибшего друга и тот будто сказал ему: «Sabe qué, mano, el nombre para nuestra manera de hablar es el parlache». И это название, с историей, звучное, имеющее в своем происхождении элемент таинственного и — что немаловажно — представляющего собой сложение двух концептуально важных для данного жаргона слов (*parlar* — «hablar» и *parche* — «lugar de reunión; fiesta; encuentro; grupo de amigos»), было единодушно одобрено всеми исследователями.

Выше говорилось, что одним из источников материала для создания словаря была информация, которую предоставляли молодые люди, студенты университета и жители бедных районов. Они участвовали в опросах для уточнения значения той или иной лексемы, делились своими наблюдениями, записывали разговоры друзей, давали ценные советы по поиску и сбору материала, комментировали результаты исследования.

Также были использованы разнообразные материалы средств массовой информации, документальные и художественные фильмы и

тексты современной художественной литературы о жизни молодежи, записи живых слоганных разговоров, услышанных в транспорте, на улице, в школах, университетах, а также тексты песен, рекламы, объявлений и граффити.

Еще одним любопытным источником лексикографического исследования стал корпус, составленный из сочинений на свободную тему, написанных учениками выпускных классов профессионально-технического училища Instituto Técnico Industrial Pasual Bravo в 1991–1995 годах.

Столь широкий список источников как нельзя лучше свидетельствует о том, что начавшись со слов и выражений «тайного языка», понятие только узкому кругу посвященных, парлаче со временем превратился в неотъемлемую составляющую повседневной коммуникации жителей Медельина, признаваемой широкими слоями населения. На сегодняшний день, по свидетельству исследователей, его популярность также расширила географические границы и уже не ограничивается одним городом: парлаче активно используют жители близлежащих областей – Кали, Перейра, Попайан, – а отдельные его лексемы в ходу за пределами Колумбии.

Так что нет ничего удивительного в том, что с тех пор, как парлаче появился в средствах массовой информации, он не только слышен в фильмах, видеоюжетах, теле- и радиопередачах, встречается в книгах, журналах, газетах, он также появляется в словарях испанского языка.

Так, в последнем на сегодняшний день, двадцать втором издании словаря Королевской Академии кодифицирован целый ряд лексем парлаче: *bareta*, *chichirato*, *cacho* – «cigarrillo de marihuana»; *muñeco* – «muerto»; *desechable* – «sicario»; *colino* – «drogado»; *basano*, *basán* – «estupendo»; *basuco*, *bazuco*, *bazuca* – «cigarrillo preparado con cocaína, marihuana y otras sustancias»; *bazuquero* – «adicto al bazuco», *camellar* – «trabajar arduamente»; *camello* – «trabajos»; *sana* – «cárcel»; *coquero* – «persona que consume drogas, en especial, cocaína»; *cuero* – «mujer vieja»; *duro* – «persona con poder»; *ensanar* – «meter a alguien en la sana (cárcel)»; *faltón* – «persona que no cumple las normas»; *feo* – «miembro de la policía secreta»; *fierto* – «arma blanca o de fuego»; *furgusa* – «gresca, pelotera»; *gallada* – «pandilla (grupo de amigos)»; *guanadosa* – «cárcel»; *guerrillo* – «guerrillero»; *dar papaya* – «dar oportunidad»; *quebrar*, *quitar* – «matar»; *gana*, *sapo* – «sorpón»; *untar* – «vincular a un acto delictivo».

Как известно, жаргон отличается от литературного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, при этом он не обладает собственной фонетической и грамматической системой.

Жаргонная лексика строится на базе лексики литературного языка путем изменения ее смысла и формы, метафоризации, а также активного усвоения иноязычных слов и морфем.

Данные утверждения в полной мере справедливы для парлаче.

Рассмотрим, для примера, дословный, неотредактированный отрывок из истории, записанной одним из информантов:

Tanto trasegar la *lleca* sin rumbo fijo, en compañía de *parceros* que estaban en la mala como yo, nos fue incluíendo a seguir caminos *torcidos*. Primero que los *chorros*, después que una *pitadita* no hace daño, más adelante sólo *maracachafá*; con el tiempo, tierra y perico. Estaba cada vez más *hundido*. También, como había que conseguir las *lucas* para la *melona*, las *mechas* y el vicio, empezamos *haciendo quietos* por el barrio de abajo; después *tumbamos* motos y hasta *naves*; por último, le medimos el tiro a un banco y se nos fue el tiro por la culata. Ahí *tostarón* a dos *parceros* y se llevaron a cuatro para la *finca*. Los que *nos* pudimos *abrir*, como estábamos tan *calientes* con la banda de bajo, por lo de los atracos y otras cosas, nos *enchusparamos* donde familiares.

Как видно, речь идет об особых лексических вкраплениях в общеиспанскую грамматику.

Механизмы, которые используются для создания такого типа лексических единиц, известны. Поскольку парлаче возник как «тайный язык», с целью сбить с толку непосвященных, то в нем широко используется прием так называемой ресемантизации, заключающийся в том, что существующим и хорошо известным словам присваивается новое значение на основе метафорического или метонимического переноса (*fierto* – «пистолет», *muña* – «курьер, который доставляет наркотики», *dulce* – «красавица») или простого фонетического и графического сходства (*robo* заменяется на *goberto*, *pada* – *patilla*, *ma!* – *maletas*, *sí* – *simón*, *no* – *notas*). Нередко в парлаче используется лексика, вышедшая из широкого употребления, но сохранившаяся в разговорной речи или просторечии. Так, к примеру, слово *pelle* отсутствует в DRAE, но оно есть в словаре *Colombianismos*², с пометой *adjetivo despectivo* и значением «prenda de vestir desgastada». В парлаче это слово также имеет уничижительный оттенок и употребляется с целью оскорбить, применительно к человеку, или для обозначения предмета потрешанного вида. Однако чаще в парлаче возрождается не само слово, а отдельное его значение, вышедшее из употребления. Например, в DRAE значение «групп» у лексемы *fiambre* стоит на третьем месте, тогда как в парлаче это единственное значение. Другие примеры: *shamba* в значении «работенка», *shosho* «слабоумный старик» или «влюбленный». В приведенном выше отрывке примеры ресемантизации следующие:

что-то «выливка», *tietta*, *regico* – разновидности наркотиков, *pitadita* – «заяжка», *hundido* – «пристрастившийся», *melona* – «еда», *mecha* – «догорая одежда», *tumbag* – «воровать», *pave* – «автомобиль», *tostar* – «застрелить», *finca* – «тюрьма», *abrirse* – «сбежать», *caliente* – «преступник», *quieto* – «кража».

Силлабическая инверсия – распространенный прием создания слов в аргентинском лунфардо – также широко применяется в парлаче. Нет ничего удивительного в том, что лексика этого аргентинского социолекта встречается в разговорной речи жителей Медельина: в первую очередь это происходит благодаря популярным в бедных районах танго, и не последнюю роль в этом играет тот факт, что Карлос Гардель погиб в авиакатастрофе именно в этом колумбийском городе. Вот, для примера, строчки из знаменитого танго Гарделя «Como abrazado a un roncog»:

Los recuerdos más fuleros
me destrozan la *zabeca*;
una infancia sin juguetes
un pasado sin amor....

Как видно из примера, наиболее простая и очевидная форма силлабической инверсии состоит в перестановке или реорганизации слогов слова: *sabeza* – *zabeca*. В парлаче частотны такие варианты: *ofri* – «frio», *grone* – «negro», *tabogo* – «Bogotá», *misasa* – «camisa», *jetipi* – «mujer». В приведенном выше отрывке примером силлабической инверсии является *llesa* – «calle».

Словосложение, то есть бессознательное соединение элементов наполняемых новым семантическим содержанием, – еще один источник формирования новой лексики в парлаче: *atarafocos* – «кальсоны», «женское нижнее белье», *cometraros* – «чувство сильного голода», *carrotoso* – «человек, действующий импульсивно».

Другой довольно распространенный прием для создания новых слов в парлаче – звукоподражание. Например, *tilitilin* – имитация колокольного звона со значением «стоящий на стреме», или *traqueteo* – «перестрелка».

Аффиксация – еще один механизм формирования новых слов в парлаче (например, *enchusparse* – от *chusra* «мешок» – со значением «спрятаться»). Кроме того, есть ряд оригинальных лексем (например, в рассматриваемом тексте это *magaschafta* – «марихуана»).

В лексике парлаче много заимствований, в абсолютном большинстве случаев их источник – английский язык. Англицизмы проходят в парлаче процесс графической и фонетической

трансформации, то есть адаптируются к испанскому написанию и произношению. Например: *bisniag* в значении «пегосиа»; *poneu* – «деньги»; *map* для обозначения лица мужского пола; *vai* в качестве прощания, *ansottis* – извинения. Особый интерес представляют гибридные образования на основе иностранного и испанского слова: *open del parche* употребляется со значением «ábranse del parche»; *de one* эквивалентно «*de una vez*». Еще один любопытный пример – слово *abuttlandia*, построенное путем сочетания испанского «*abuttig*» и английского «*land*», видимо, по созвучию с широко известным *Disneylandia*.

Прочие заимствования в парлаче многочисленны. Пожалуй, следует отметить заимствованное из португальского языка *parche*, со значением «друг, приятель»; заимствованное из лунфардо *lucas* для обозначения денег; из карибских диалектов – *chévere* со значением «приятный, доставляющий удовольствие»; и из испанских жаргонов – *feto* как «*feo*»; *ñoño* как «*bobado, infantil*».

В парлаче, так же как и в прочих социальных диалектах, одной из главных составляющих являются фразеологизмы, поскольку эти единицы ориентированы на иронию, игровой эффект и отличаются особой экспрессивностью. С функциональной точки зрения фразеологические единицы в парлаче можно разделить на:

Глагольные: *colgar los guayos* («покончить с чем-либо»), *cojer de quieto* («преградить путь с целью напасть или убить»), *mandar de sajon* («прикончить»), *medir el aceite* («приглядываться к кому-либо / чему-либо»), *estar / ver en la mala* («зайти в тупик, быть в безвыходном положении») и др.

Номинативные: *mujer de antena* («трансивестит»), *bagrio de los acostados* («кладбище») и др.

Адвербиальные: *de agera* (наудачу), *a lo bien* (наилучшим образом), *con todos los fierros* (во всеоружии) и др.

Речевые стереотипы и этикетные формулы, типа: *qué basanería* (в значении ¡qué maravilla!), *qué cusa, qué burguesía, qué elegancia* (в значении ¡qué bonito!); *todo ray/rái* (в значении bien), *¿bien o ra' qué?, ¡qué uvas!* (приветствие), *nos vemos las carátulas, ahí nos pillamos, ahí nos vidrios* (прощание).

Вместе с тем, в случае парлаче, видимо, следует говорить о лексикализованных, но не абсолютно устойчивых единицах, поскольку, как любой жаргон, он находится в процессе постоянного изменения и активного развития. Так, к примеру, фразеологизм *abrirse del parche* («сбежать, дать деру») был в свое время преобразован в гибридную единицу с тем же значением *open del parche*, которая нашла своих

поклонников, и в настоящее время эти две единицы сосуществуют. Еще одним вариантом данного фразеологизма стала лексема ¡Abraham!, построенная путем ресемантизации на основе фонетического и отчасти графического сходства, которая служит эквивалентом приказа бежать ¡abrase del parche! (то есть «¡largo de aquí!»).

Ограничившись этими сведениями и подводя некоторый итог, заметим, что изложенный выше материал не претендует на всеобъемлющий характер; вместе с тем, отмеченные реализации лингвистических единиц помогают составить верное представление о современном состоянии рассмотренного феномена.

В заключении хочется обозначить дальнейшие пути исследования затронутой темы и подчеркнуть, что интерес к ней исследователей из различных областей знаний, о котором говорилось в начале статьи, не случаен. Присутствие парлаче в средствах массовой информации, литературе, кино, рекламе, молодежной музыке столь широко, что требует серьезного осмысления, и поиска ответов на ряд вопросов, связанных, в частности, с тем, насколько точно этот социолект отражает реальность, в которой живут не только современные жители второго по величине города Колумбии, но и всей страны, в какой степени он влияет на ментальность и самоидентификацию на нем говорящих, что он привносит в литературный язык и т.п.

Литература

- Castañeda Naranjo, L. S. y Henao Salazar, J. I.* El parlache. Medellín: Universidad de Antioquia. 2001.
- Castañeda Naranjo, L. S.* El Parlache: Resultado de una investigación lexicográfica. Forma y Función, enero-diciembre, número 18. 2005. 74-101. <http://redalyc.uaemex.mx/src/inicio/ArtPdfRed.jsp?iCve=21901803>.
- Castañeda Naranjo, L. S. y Henao Salazar, J. I.* Diccionario de parlache. Medellín: La Carreta Editores. 2005
- López Morales, H.* La andadura del español por el mundo. Madrid: Taurus. 2010.
- Tobón Betancourt, J.* Colombianismos. Medellín: Autores Antioqueños. 1997.
- Vila Rubio, N.* Hacia un Diccionario del Parlache. http://amsacta.cib.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf.

¹ <http://amanofonation.com/>

² *Tobón Betancourt, J.* Colombianismos. Medellín: Autores Antioqueños. 1997. P. 273.

К проблеме статуса испанского языка в Аргентине

Долгое время было принято утверждать, что в Аргентине не было языковой политики как таковой. Такое высказывание, достаточно необычное на первый взгляд, соответствует действительности лишь в том случае, если языковая политика государства должна быть обязательно зафиксирована в законодательных текстах, а статус государственного языка – закреплён в Конституции.

На сегодняшний день в Аргентине действует Конституция, принятая в 1853 году. На разных исторических этапах она претерпевала определенные изменения, однако никакие из них не повлияли на языковую ситуацию в стране. Ни в одном из законодательных текстов мы не встречаем упоминаний о том, какой язык является официальным языком Аргентины, каков статус других языков, существующих на территории этой страны, и каковы в связи с этим права и обязанности граждан.

В этом вопросе, как и во многих других, Аргентина стоит особняком в ряду латиноамериканских стран. Текст конституций подавляющего большинства стран Латинской Америки обязательно содержит «пункт о языке», определяющий статус испанского языка как официального, оговаривающий, если необходимо, существование других официальных языков и регламентирующий статус языков местного населения. Окончательно такая картина оформилась к концу XX века – именно в этот период создаются очередные редакции конституций, ставшие отражением нового, современного национального самосознания граждан латиноамериканских стран.

Любопытно, что как раз в это время – в начале девяностых годов – в языковой политике Аргентины появляется, по утверждению различных исследователей, любопытная «пустота», «темное пятно», связанное с двумя законопроектами, так и не рассмотренными Парламентом: проектом «Закона о языке» депутата Парламента того времени Хорхе Рейнальдо Ваносси (1991) и законопроектом о «Защите испанского языка» секретаря министерства культуры того периода Хорхе Асияса (1994).

Необходимость принятия такого рода законов была на тот момент очевидна авторам проектов – их целью было придание официального статуса испанскому языку на территории Аргентины, а также регламентирование статуса других языков местного населения. Оба законопроекта были отвергнуты – фактически, таким образом

аргентинские политики и ученые продемонстрировали свое согласие с невмешательством государства в вопросы языка.

Тексты предложенных Законов о языке достаточно ярко характеризуют языковую ситуацию в Аргентине в конце XX века.

Документ, составленный Х.Р. Ваносси, включает в себя 10 кратких статей, регламентирующих различные аспекты функционирования испанского языка на территории Аргентины. Основные вопросы, затронутые в тексте законопроекта: статус и положение языков местного населения, проблема двуязычия, условия обязательного употребления испанского языка на территории Аргентины и т.п. Обязательства правительства в вопросах языковой политики становятся защита и обогащение официального языка. В отдельном пункте оговаривается тот факт, что никакая из статей данного закона не должна так или иначе ограничивать свободу слова, выражения или информации. Также следует отметить, что в документе Ваносси, в отличие от документа Асиса, мы встречаем термин *lengua española o castellana* (Асис пользуется только термином *lengua castellana*).

Любопытно, что уже в 1991 году, за три года до официального присоединения Аргентинской республики к проекту создания в странах Латинской Америки системы двуязычного образования, ориентированного на языки и культуру коренного населения континента, Ваносси включает в свой проект Закона о языке пункт об индейских языках. Помимо рекомендации присвоить этим языкам особый статус, автор законопроекта подчеркивает необходимость не только преподавания и распространения этих языков, но и защиты соответствующих культурных ценностей.

К тексту законопроекта Х.Р. Ваносси прилагается обоснование создания документа. Как следует из текста обоснования, создание данного законопроекта было инициировано Аргентинской академией коммуникации, составившей так называемый «проект» закона о языке.

Помимо традиционных замечаний о необходимости законодательного закрепления статуса испанского языка, статуса языков коренного населения и языковых прав коренного населения, Ваносси в сопроводительном письме выражает свою обеспокоенность удручающим, по его мнению, состоянием аргентинского варианта испанского языка. В частности, речь идёт об излишних заимствованиях, о снижении качества речи дикторов и журналистов, как устной, так и письменной. Также текст письма содержит любопытное упоминание о последних политических мероприятиях, проведенных в Аргентине. Автор отмечает, что официальными языками этих мероприятий (например, Международного конгресса по лингвологии,

прошедшем в Буэнос-Айресе) были английский и французский. Такая ситуация представляется ему неприемлемой, как в силу большого количества испаноговорящих участников Конгресса, так и потому, что язык страны-организатора по традиции является одним из официальных языков подобных мероприятий.

Что касается «проекта» закона о языке, предложенного аргентинской Академией коммуникации, то он относится, прежде всего, к языку средств массовой информации. В частности, в документе идёт речь о необходимости контроля за качеством речи сотрудников средств массовой информации; о защите и обогащении испанского языка Аргентины.

В документе приведены официальные законодательные тексты, так или иначе касающиеся проблем языковой политики, однако указывается на бессистемность деятельности правительства в этой области. Мы видим разрозненные упоминания о национальном языке, часто носящие прикладной характер — как, например, замечания о предоставлении переводчика. Среди упомянутых текстов — статьи Гражданского, Уголовного и Коммерческого Кодексов Аргентинской республики и закон о дубляже. В тексте данных документов мы встречаем положения, характеризующие языковую ситуацию в Аргентине, однако очевидно, что для того, чтобы говорить о языковой политике в полном смысле слова, подобных упоминаний недостаточно.

Так, например, статья 999 Гражданского Кодекса Аргентины фиксирует тот факт, что все письменные документы должны быть составлены «на национальном языке». В случае невозможности составления документа на «национальном языке» следует прибегнуть к помощи официального переводчика:

Art. 999. Las escrituras deben hacerse en el idioma nacional. Si las partes no lo hablaren, la escritura debe hacerse en entera conformidad a una minuta firmada por las mismas partes en presencia del escribano, que dará fe del acto, y del reconocimiento de las firmas, si no lo hubiesen firmado en su presencia, traducida por el traductor público, y si no lo hubiere, por el que el juez nombrase. La minuta y su traducción deben quedar protocolizadas.

Статья 3.663 того же документа гласит, что если свидетель может объясняться только на иностранном языке, является обязательным присутствие переводчика:

Art. 3.663. Si el testador no puede testar sino en un idioma extranjero, se requiere la presencia de dos intérpretes que harán la traducción en castellano, y el testamento debe en tal caso escribirse en los dos idiomas. Los testigos deben entender uno y otro idioma.

Статья 66 Коммерческого кодекса Аргентины посвящена необходимости ведения коммерческой документации на испанском языке:

Art. 66. Los libros de comercio para ser admitidos en juicio, deberán hallarse en el idioma del país. Si por pertenecer a negociantes extranjeros estuvieren en diversa lengua, serán previamente traducidos, en la parte relativa a la cuestión, por un intérprete nombrado de oficio.

Наконец, закон 23136, известный как Закон о дубляже, на тот момент еще не имеющий полной силы закона¹ отражает основные проблемы трансляции фильмов и передач, нуждающихся в переводе /дубляже:

Art.1 – El doblaje para la televisión de películas y/o tapes de corto o largo metraje, la presentación fraccionada de ellas con fines de propaganda, la publicidad, la prensa y las denominadas series que sean puestas en pantalla por dicho medio y en los porcentajes que fija esta ley, deberá ser realizado en idioma castellano neutro, según su uso corriente en nuestro país, pero comprensible para todo el público de la América hispanohablante.

Составители «предпроекта» обращают внимание на очень важную деталь – в приведенных текстах речь идет о «национальном языке» (*idioma nacional*), «языке страны» (*idioma del país*), «испанском языке» (*lengua castellana*), однако не существует общепринятого в законодательстве наименования для аргентинского варианта испанского языка, ни разу не используется термин «официальный язык». Это в очередной раз демонстрирует нам существующий в языковом законодательстве Аргентины пробел.

Отдельно следует упомянуть об использовании термина *idioma castellano neutro*. В данном случае речь идет о такой реализации аргентинского варианта испанского языка, которая легко воспринималась бы зрителями любой испаноязычной страны. Таким образом мы видим, что проблема паниспанской языковой нормы не является сугубо филологической, но имеет и прикладное значение. Существование некой «эталонной», общей для всего испаноязычного региона формы речи важно для многих областей жизни аргентинского общества: для дубляжа кинофильмов, для перевода литературных произведений, совместных международных культурных, экономических и политических проектов и т. п.

Законопроект, предложенный Хорхе Асисом, представляет собой достаточно обширный документ, содержащий, помимо собственно текста законопроекта, «изложение причин» написания данного закона, а также обоснование точки зрения автора. Это, очевидно, объясняется тем, что данный документ является не только законом о языке, но проектом

«закона о защите испанского языка на территории Аргентины». Целью его написания являются не только и не столько вопросы, связанные с официальным статусом испанского языка, сколько вопросы его современного состояния. В частности, Хорхе Асис говорит в своем законопроекте о влиянии средств массовой информации на читателя и слушателя и, в связи с этим, о «качестве речи» корреспондентов, дикторов, авторов печатных статей; о слишком частом употреблении в речи неологизмов; о необходимости «разумного обогащения» языка. Автор отмечает, что в аргентинском законодательстве можно найти упоминания о неких нормах и правилах, касающихся различных ситуаций употребления испанского языка, и даже приводит источники этих «разрозненных норм». Существующее положение дел Асис находит неудовлетворительным и говорит о необходимости создать единый законодательный текст «с целью придания ясности этому сложному комплексу норм», сложившемуся за долгое время. Таким образом, статьи этого законопроекта носят скорее рекомендательный, чем описательный характер. С лингвистической точки зрения это особенно интересно, поскольку дает возможность проследить основные тенденции, существующие в тот момент в аргентинском варианте испанского языка, а также основные проблемы, решение которых предлагает автор документа. Также, помимо собственно языковых вопросов, в тексте документа содержатся замечания общекультурного характера, которые помогают нам составить общую социолингвистическую картину.

Известно, что Х. Асис разрабатывал свой законопроект по аналогии с так называемым *Loi Touboi* – аналогичным французским законопроектом о языке, также созданным в 1994 году. Однако судьбы этих законопроектов оказались совершенно разными – во Франции закон был принят, в Аргентине же он стоил автору места в правительстве, которое сочло его идеи слишком революционными. Наконец, важно подчеркнуть, что как в Законе о языке Ваносси, так и в Законе о защите испанского языка Асиса в первую очередь оговаривается официальный статус испанского языка на территории Аргентины – таким образом авторы законопроектов пытаются восполнить «языковой пробел» в существующем в тот момент законодательстве.

¹ Мы приводим здесь только первую статью, однако для более полной картины языковой ситуации в Аргентине в 1990-х гг. закон представляет значительный интерес.